

Лит. газ. - 1988. - 14 сент. - с. 8.

ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

ОГЛЯНИСЬ БЕЗ ГНЕВА

СЕЙЧАС специалисты из разных областей жизни могут считать, что именно у них с наибольшей силой и наглядностью проявились последствия эпохи застоя, потери нравственных ценностей. И все-таки я решусь утверждать, что в мире балетного искусства, в академических театрах, в частности в ленинградском, раньше, чем где-либо, мы получили в миниатюре то разрушение и ту мораль, к которому так стремительно скатывалось все государство.

В нераспутываемый клубок сплелось все — рабочий пот и обнаженность эмоций, слава, валютные доходы и алчность западных хореографов к нашим методико-технологическим секретам обучения, меценатство «сильных мира сего» и власть над искусством бюрократического аппарата, зависимое, униженное материально и морально положение артистов и взгляд высокого начальства на искусство как на орнамент своих личных дат, праздников, юбилейных мероприятий... Все смешалось в балетном «доме».

Потери были большими. В самом прямом смысле. Горько сейчас сознавать, что в других странах живут и творят многие истинно одаренные художники, таланты которых корнями уходит в нашу культуру. Конечно, трудно их оправдывать, не надо делать из них героев, как пытаются сейчас некоторые авторы. Но разобраться, почему это произошло, следует.

Восемнадцать лет прошло с тех пор, как за границей осталась Наталья Макарова. При воспоминании об этом у меня каждый раз подступает комок к горлу. По-моему, это была самая удивительная, самая одаренная танцовщица нашего Кировского театра.

На гастролях в Лондоне в один злосчастный вечер она не пришла на спектакль. Помню, как металась я тогда между сценой и раздевалкой, не веря слухам и все надеясь ее встретить где-нибудь в коридоре. Как написала тут же в антракте ей письмо, больше от бессилия и горечи, чем в надежде повлиять на ее решение. Невозможность более увидеть на нашей сцене Наташу воспринималась как личная трагедия. С годами выяснилось, что такое же отношение к этой потере было у многих...

Приведено много доказательств ее собственной вины в происшедшем. Я же, как мне кажется, понимала Наташу несколько больше, а обстоятельства — несколько иначе. Не раз оказывалась невольным свидетелем ее сомнений, переживаний, огорчений. Она, в сущности, была совсем не такой, какой позволяла людям себя видеть и воспринимать.

Ленинградская публика 60-х годов, избалованная разнообразием дарований, блестящих балерин прежнего поколения, сразу признала и выделила Макарову. Уникальные физические данные давали, казалось, беспредельную возможность выражения эмоций пластической. Сочетание женственности, лирического обаяния с почти гротесковой выразительностью делали ее амплуа практически безграничным. Естественность существования на сцене была поразительной.

Ученица Е. В. Ширпиной, взыскательного педагога Ленинградского хореографического училища, она быстро росла, совершенствуя технику, и в первые же годы смогла исполнить сложнейшие классические партии: Флорина, Аерора, Золушка,

Кривляка, Одетта—Одиллия, Мария, Жизель, Раймонда, Джульетта, Царь-девица. Это кроме превосходного исполнения классических мазурок, вальсов, миниатюр.

Не берусь найти красивые, изощренные сравнения, пытаюсь передать впечатление от танца Наташи. Только помню, что иногда, видя ее на сцене, я — профессионал — понимала, что она знает про танец больше, чем можно научиться.

Макарова, конечно же, привлекала балетмейстеров, многие старались ставить именно на нее: А. Якобсон — «Двенадцать», «Страна чудес», «Хореографические миниатюры», О. Виноградов — «Горянка», И. Чернышов — «Ромео и Юлия». Ей предложили сниматься в роли Одетты-Одиллии на «Ленфильме».

Но с премьерями что-то не складывалось...

Два года не мог увидеть рампу балет «Ромео и Юлия» на музыку Берлиоза, поразивший нас на просмотре островыразительной, очень красивой и новой по языку пластикой. Премьера состоялась только после «подказки» балетмейстеру отдать этот спектакль для творческого вечера другой исполнительнице — «официальной» премьерше. Фильм вышел с другой Одеттой. Горянку представляла худсовету другая балерина.

В последние годы перед эмиграцией Наташа особенно ясно сознавала, что ей необходим постоянный, если хотите, личный репетитор. Однако очевидность таланта Макаровой никому не сулила лавров первооткрывательства. А независимый, пусть даже несколько взбалмошный характер, гордость осознавшего свою силу художника не позволяли перед кем-то заискивать.

Порочная система, при которой «выживание» талантов было заботой самих талантов, ставила личность перед жестким моральным выбором, гасила одних, создавала иллюзию значимости в искусстве других, сбивала с пути третьих. В сложный процесс естественного отбора по-хозяйски вмешивались влиятельные непрофессионалы.

Я далека от мысли, что могут и должны исчезнуть личные симпатии, поощрения, меценатство — они естественны. Но зло накапливается там, где многолетняя тиранья одних и тех же высоких руководителей порождает многолетнее самоуправство их любимцев.

Недавно я видела снятый на Западе многочасовой видеофильм о творчестве Макаровой. Он снова вернул меня в прошлое, нахлынули, чередуясь, светлые и горькие воспоминания. Когда-то я с любопытством всматривалась в строптивую девочку, всего год или два работающую в театре, которая однажды вдруг посеребрила от моего удачного профессионального замечания, прислушалась к нему. Как мне кажется, именно с тех пор между нами возникли симпатия и доверие. Много позднее мы часто виделись вне театра. Помню, уже в Англии на последних гастролях Наташа обиделась на меня за то, что я не рассмотрела ее в номере «Слепая» Якобсона, о котором мы так много говорили накануне после репетиции. Меня в ее глазах не оправдывало даже то, что сразу вслед за ней у самой шел большой сольный фрагмент. Она только сказала: «И тебе безразлично...»

Уже после всего случившегося я часто вспоминала наши последние встречи и

разговоры, все больше и больше сознавая глубину ее тогдашних сомнений, опасений за будущее. За неделю до тех гастролой после примерки костюмов мы спустились в столовую под пошивочными мастерскими театра. Был конец дня, мы сидели одни. Наташа жаловалась, что не чувствует ни у кого заинтересованности в серьезной, планомерной работе с ней. Для балетмейстеров это эпизоды постановок, для репетиторов — «подчистка» к очередному афишному спектаклю.

Наташа была очень грустна, искривлена. Сказала, что хочет обратиться к Григоровичу, чтобы перейти в Большой театр, и к Галине Сергеевне Улановой с просьбой взять в ученицы. Я была очень плохим советчиком. Как же мы бываем непонятливы к судьбам других, как глухи!

В последней поездке мы сначала договорились жить вместе, в одном гостиничном номере, но перед самым отъездом Наташа извинилась, сказала, что перудмала. При огромных гастрольных нагрузках, конечно же, удобнее жить одной, но мне иногда кажется, что Наташа просто уберегала меня от неприятностей.

Прошло восемнадцать лет. Истинно русская балерина, она бережно сохранила манеру и методику ленинградской школы.

Знаю, в эмиграции она постоянно искала встречи с теми, кто окончил наше училище или стажировался в ее родном театре, проверяла с ними вместе — не забыла ли, не утратила ли... Она не упрощала и не облегчала ради внешнего эффекта профессиональные, физические задачи. Только так и получилось до конца выразить душу в танце, не изобразить, а заговорить с людьми танцем.

И как же было обидно, что советские зрители не увидят это обретенное совершенство, эту высшую классическую строгость и безупречность техники, которые пришли к Макаровой уже в недавние годы.

Однако нынешнее лето принесло событие неожиданное и обнадеживающее. В том же Лондоне Наталья Макарова приняла участие в гастрольных выступлениях балетной труппы Кировского театра. Верю, что это не просто эпизод, а конец «столь долгого отсутствия».

В наш век стремительных передвижений, общения и взаимообогащения разных культур такие мощные таланты должны принадлежать всему миру. Но не быть вынужденными платить за это обрывом своих корней, невозможностью увидеть друзей, потерей места в родительском доме. Может быть, пора не только с безжалостной строгостью, но и с душевной широтой судить поступки, на которые порой толкает талант настойчивая потребность осуществиться.

А главное — выявить и устранить их причины.

Ольга ЗАБОТКИНА,
в прошлом солистка Балета Театра оперы и балета имени С. М. Кирова